
ФЕОДАЛИЗМ, «СОСЛОВНОЕ ГОСУДАРСТВО» И ПАТРИМОНИАЛИЗМ*

1. Сущность лена и типы феодальных отношений

Структура *ленных отношений* может быть противопоставлена широкой сфере произвола и связанной с этим недостаточной стабильностью властных позиций в чистом патримониализме. Ленный феодализм есть «пределный случай» патримонической структуры в ее тенденции к стереотипизации и фиксации отношений господина и ленников. Подобно тому, как на стадии буржуазного капиталистического производства домашнее объединение с его патриархальным домашним коммунизмом из себя самого порождает обобществление – переход к основанному на договоре и фиксированных индивидуальных правах «предприятию», так и большое патримоническое хозяйство на ступени рыцарского милитаризма рождает из себя самого такие же – определяемые договором – ленные отношения верности. Здесь личный долг верности точно так же вырывается из взаимосвязи всеобщих домашних отношений пиетета, а потом на этом основании раскрывается универсум прав и обязанностей, как там – из чисто материальных отношений. Позже мы увидим, что в ином аспекте феодальная верность вассалов господину может и должна пониматься также как рутинизация некоторого, уже не патримонического, а харизматического отношения (дружинной преданности), и, с этой точки зрения, определенные специфические элементы отношений верности распределяются по своим правильным систематическим «местам». Мы, однако, оставим здесь без внимания эту сторону и вместо нее попытаемся выявить форму, наиболее устойчивую по своей внутренней структуре. Ведь «феодализм» и «лэн» могут получать самые разные по широте понятийные определения.

«Феодальной» – в смысле господства военной землевладельческой аристократии – в самом крайнем из всех мыслимых случаев являлась, к примеру, польская государственность. Однако польская общность представляла собой противоположность буквальному смыслу «феодальной» среды, ибо здесь отсутствовало самое главное: ленные отношения. Для формирования порядка (или беспорядка) польского королевства самые радикальные последствия имело именно то, что польские аристократы понимались как «аллодиальные» землевладельцы: вытекающая отсюда структура этой «аристократической республики» являет собой крайнюю противоположность, скажем, по отношению к норманнской централизованной феодальной системе.

* Перевод из 4 подраздела главы IX «Социология господства» работы «Хозяйство и общество» подготовлен по изданию: Max Weber. *Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehenden Soziologie*. Besorgt von Johannes Winckelmann. Fünfte, rev. Auflage, Studienausg. Tübingen: Mohr, 1980. S. 625-645.

«Феодальным», далее, может быть назван эллинский полис архаической эпохи и даже старой клисфеновской демократии, ибо в нем важно не только то, что гражданские права неизменно вытекали из права и обязанности обладать оружием, но и то, что его полноценные граждане, как правило, были землевладельцами, а разнородные, базирующиеся на пиетете клиентские отношения являлись основой власти господствующего слоя *honoratiores*. Именно такой была Римская республика вплоть до своего последнего периода. В эпоху почти всей античной истории зависимость наделения землей от военных обязанностей на службе у личного господина, патримониального властителя или союза граждан играла ключевую роль.

Если под «лёмом» понимается любое пожалование прав, прежде всего, на пользование землей или политическую территориальную власть в обмен на военную или административную службу, то к подобным многочисленным явлениям, обнаруживаемым по всей земле и во все эпохи, относятся не только служилые лены *министерялов*, но и, возможно, ранние римские прекарии [1] или, во всяком случае, *laeti*, осевшие в Римской империи после войны с маркоманами, а позднее и земли, непосредственно жалуемые чужим племенам в обмен обязанности нести военную службу; и, конечно же, казачья земля является «ленной» в той же степени, что и солдатские наделы, которые мы обнаруживаем на всем древнем Востоке, а позднее – и в Египте Птолемеев.

В большинстве подобных случаев, хотя и не во всех, речь идет о создании способов существования, которые на наследственной основе находятся либо в отношении прямой патримониальной зависимости, либо в литургической привязанности к обязательствам и, благодаря этому, к земле; или же, в иных случаях, речь идет о таких слоях, которые повелением некоторого автократического властителя, в отличие от других «свободных» слоев населения, получают привилегии освобождения от налогов и особых земельных прав, в обмен на которые они выполняют обязательства: постоянно занимаются военной подготовкой, а в случае войны или в административных целях – поступают в произвольное или же в ограниченное распоряжение господина. Военное поселение – это типичная специальная форма хозяйственно подвижных, а, следовательно, всегда находящихся в распоряжении военных сил, проживающих в условиях натурального хозяйства, которое не может обеспечить существование наемной армии. Обычно они возникают, как только уровень потребностей, интенсивность сельскохозяйственного и несельскохозяйственного труда и развитие военной техники делают массу населения привязанным к своему рабочему месту и малоценной для ее военного обучения. Все виды политических объединений прибегают к этому средству. Первоначально неотчуждаемый земельный надел (*κλήρος*) в эллинском городе-государстве гоппитов представляет собой один тип (влечет за собой обязанности по отношению к объединению граждан); египетская так называемая «военная каста» (*μάχιμοι*) представляет собой второй тип (обязанности по отношению к патримониальному государю); наделение землей «клиентов» – третий (обязанности по отношению к личному господину). Все

древневосточные деспотии, а также клерухии [2] эллинистического времени, в той или иной степени использовали эти средства призыва на военную службу. Как мы увидим позже, от случая к случаю, к данному способу прибегал и римский нобилитет.

Последние упомянутые примеры по их функции и правовому статусу особенно близки подлинным ленным пожалованиям, и иногда отождествляются с ними. Однако эти случаи не могут быть полностью отнесены к ним, поскольку даже привилегированные крестьяне, говоря с социальной точки зрения, все равно остаются крестьянами (или «обыкновенными людьми»), т.е. это своего рода ленное отношение в праве плебеев. С другой стороны, министеральное устройство (*Ministerialität*) – вследствие его первоначальной патримониальной основы – также отличается от ленных пожалований.

В полном техническом смысле подлинные ленные отношения устанавливаются, во-первых, непременно между членами одного, хотя и иерархизированного, но все-таки возвышающегося над массой свободных людей слоя, образующего единство по отношению к последней. Во-вторых, в силу ленного отношения стороны находятся в свободном договорном отношении друг к другу, а не в отношении патримониальной зависимости. Вассальное отношение не принижает статус и достоинство вассала, а напротив, подчеркивает это достоинство, также и «коммендация» [3] не выражает подчинение домашней власти, хотя и происходит из нее.

Итак, в самом широком смысле, «феодалные» отношения можно классифицировать следующим образом:

(1) «литургический» феодализм: осевшие на землю солдаты, пограничники, крестьяне со специфическими военными обязанностями (клерухи, *laeti*, *limitanei*, казаки);

(2) «патримониальный» феодализм, а именно: (а) «землевладельческий»: призывы колонов (например, римской аристократией еще в период гражданской войны, египетским фараоном эпохи Древнего царства); (б) «крепостной»: рабы (древне-вавилонское и египетское войско из рабов, средневековые арабские личные отряды, мамелюки); (в) «родовой»: наследственные клиенты как личные солдаты (римский нобилитет);

(3) «свободный» феодализм, а именно: (а) «дружинный»: лишь в силу личных отношений верности без пожалования землевладельческих прав (большинство японских самураев, *trusti* Меровингов); (б) «пребендальный»: при отсутствии отношения личной верности существует лишь в силу пожалованных землевладений и прав на налоговые сборы (переднеазиатский Восток, включая турецкие ленные отношения); (в) «ленный» (*lehensmäßig*): личные отношения верности комбинируются с ленными отношениями (Запад); (г) «городской»: в силу союзной общности воинов на базе их земельных наделов, которые предоставляются отдельному человеку (типичский эллинский полис спартанского типа).

В этом подразделе мы имеем дело в основном с формами свободного феодализма (3) и в их рамках – преимущественно с той из них, которая повлекла за

собой наиболее важные следствия: с западным ленным феодализмом, наряду с которым другие типы привлекаются для рассмотрения лишь в сравнительных целях.

Совершенные ленные отношения непременно являются *приносящим ренту* комплексом прав, владение которым может и должно служить основой существования *господ*. В первую очередь это землевладельческие права и всевозможные приносящие доход политические полномочия: то есть дающие ренту властные права предоставляются для снаряжения воинов. Именно прямое владение (*gewere*) [4] земельным участком в феодальном средневековье давало возможность извлечения выгоды. В строго организованной ленной иерархии составлялись именны списки этих пожалованных в лен источников ренты в соответствии с приносимым ею доходом: сасанидская и сельджукская модель, базировавшаяся на т.н. турецких «ленах», выражалась в серебряных монетах *аспер*, а оснащение японских вассалов (самураев) определялось в рисовой подати *кокудака*. В Англии записи в так называемой «Книге судного дня», правда, не имели характера именного ленного списка, но их возникновение также обуславливалось строгой централизацией в организации английского феодального управления.

Поскольку землевладение (*Grundherrschaften*) являлось обычным ленным объектом, всякое действительное феодальное образование (*Feudalgebilde*) покоилось на патримониальной основе. И, сверх того: если передача должностных полномочий [владельцу лена] отсутствовала, то патримониальный порядок обычно сохранялся по меньшей мере тогда, когда ленный порядок как структурный элемент некоторого сегмента управления (не всегда, но чаще всего) встраивался в патримониальное или пребендальное государственное устройство. Так, турецкое конное войско, основанное на квази-ленной пребенде, сосуществовало с патримониальным войском янычар и частично-пребендальной организацией должностей, и поэтому оно само сохраняло свой полу-пребендальный характер.

Пожалования властных прав, принадлежащих королю, за исключением китайского права, обнаруживаются в самых различных сферах права. В Индии, в период господства Раджпутов, а именно, в Удайпуре, вплоть до последнего времени глава рода передавал землевладельческие права и права юрисдикции членам господствующего клана Раджпутов в обмен на военную службу. Последняя подразумевала обязанность принесения присяги на верность и выплаты в случае падения господина, а также утерю этих прав в случае нарушения обязательств. Такое же обращение с землей и политическими правами, проистекающее из общего владения господствующим воинством подчиненной территорией, обнаруживается очень часто, а в Японии, вероятно, было однажды положено в основу политического устройства. Другая сторона представлена многочисленными явлениями, тип которых воплощают королевские земельные пожалования Меровингов и различные формы «бенефиция»: при этом почти неизменно предполагается осуществление помощи во время войны и их возможное изъятие в случае неисполнения – в некотором объеме, часто не определяемом более подробно. Также и многочисленные случаи раздачи наследственно-арендуемой

земли на Востоке, по существу дела, служили политической цели. Однако до тех пор, пока не возникает связь с весьма специфическим, вассальным отношением верности, они не соответствуют понятию «лена».

2. Лены и бенефиции

От «бенефиция» лен отличается (правда, как мы скоро увидим, с довольно гибкими переходами) и в правовом отношении. Первый является пожизненным, ненаследственным вознаграждением его обладателя за его реальную или фиктивную службу в соответствии с видом должностного оклада. Поэтому на Западе в раннем средневековье (как подчеркивает У. Штутц [5]), было само собой разумеющимся, что бенефиций, в отличие от лена, в случае смерти обладателя возвращался правителю, хотя уже на пике западного средневековья ненаследуемый лен более не расценивается как полноценный. Доход от бенефиция, причитающийся «должности», а не лицу, лишь «предоставляется в пользование», а не в полноправное владение (из чего, например, церковь в средневековье делала определенные заключения). Напротив, лен находился в личной собственности ленника, пока существовали данные ленные отношения, и при этом – в связи личными отношениями – он оставался неотчуждаемым и неделимым (для гарантии выполнения ленником своих функций). С бенефициария зачастую (иногда совсем) снималось бремя несения должностных расходов, или же за ним закреплялись определенные части бенефициального дохода. Ленник должен был своими собственными средствами покрывать тяготы пожалованной должности.

Однако эти различия не являлись решающими. Они отсутствовали в таком виде, например, в турецком и японском праве, которые, правда, как мы скоро увидим, не представляли собой подлинного «ленного» права. С другой стороны, мы увидели, что ненаследственный характер бенефициев зачастую оказывался фиктивным; что, хотя бы отчасти, (в особенности во французских бенефициях) присвоение бенефициев продвинулось настолько далеко, что и наследники получали возмещение в случае потери бенефициальных поступлений. Решающее различие состояло в другом: там, где бенефиции потеряли связь со всеми пережитками патримониального происхождения, бенефициарий являлся обыкновенным пользователем или арендатором с определенными предметными должностными обязанностями, и в силу этого был внутренне сродни бюрократическому чиновнику.

Напротив, именно отношения свободного ленника, стоящего вне всякого патримониального подчинения, напротив, регулировались в высшей степени напряженным кодексом чести и долга. Ленное отношение, в его наиболее развитой форме, принудительно связывало самые противоречивые элементы чрезвычайно своеобразным образом: с одной стороны, строго личные отношения верности, с другой, договорную фиксацию прав и обязанностей, их овеществление через связывание с конкретным источником ренты и, наконец, наследственное обеспечение владетельного состояния. «Наследуемость» – там, где еще сохранился первоначальный смысл этого отношения, – не являлась обычным процессом

наследования. Чтобы иметь возможность претендовать на лен, претендент на наследство, прежде всего, должен был лично квалифицироваться для выполнения ленных служб. Кроме того, он был обязан исключительно лично вступать в отношения верности: подобно тому, как сын турецкого ленника, желая осуществить свои притязания, должен был своевременно направить письменное ходатайство о новой *берат* [грамоте на владение землей] *бейлербею* [6], а через него, при случае, и в резиденцию султана (Высокую Порту), так и западный претендент на лен должен был «подать прошение» и только после совершения «коммемдации» и принесения присяги на верность (*оммажа*) мог получить от господина инвеституру [7]. Правда, если квалификация состоялась, господин был обязан принять его отношения верности. Но сами они носили договорный характер, и вассал в любое время – при условии отказа от лена – мог их разорвать. И обязательства вассала не могли произвольно навязываться ему господином, а образовывали типический объем фиксированных в договоре обязательств, и их своеобразный характер верности и пиетета был запечатлен в обязательном для обеих сторон кодексе чести. Содержательная стереотипизация и гарантия статуса ленника были, следовательно, сопряжены с личной связью с конкретным господином. Эта структура была развита преимущественно в западном феодализме, тогда как, например, турецкая феодальная система с ее – вопреки всяким регламентациям – достаточно произвольной властью султана и бейлербеев по отношению к правам претендентов на наследство, по большей части сохраняла характер пребанды.

Японский феодализм также не представляет собой полноценной ленной системы. Японский *даймё* являлся не вассалом-ленником, а вассалом, который обеспечивал военный контингент, службу охраны и фиксированную дань, и внутри своей области, в качестве правителя (*Landesherrn*) фактически от своего имени исполнял управленческую, судебную и военную власть. При этом он мог быть разжалован или перемещен на новое место из-за какого-нибудь проступка. То, что он не являлся вассалом как таковым, проявляется особенно в том, что действительные вассалы сёгуна (*фудай*), если им жаловались властные полномочия *даймё*, были вынуждены мириться с возможностью «замены области» (*кунигае*) не вследствие их «вины», а на основании одной лишь политической целесообразности. Именно в этом вновь выражается то, что пожалованная им власть представляла собой должность и не являлась леном. Сёгун запрещал этим *даймё* вступать в союзы или в вассальные отношения друг с другом, заключать договоры с заграничными государствами, участвовать в междоусобицах, строить замки, а их верность гарантировал институт *санкин-котай* (обязанность периодического проживания в столице) [8].

Самураи были свободными личными солдатами отдельного *даймё* (или самого сёгуна), наделенными бенефициями на сбор рисовой подати (редко – самой землей), и являлись выходцами отчасти из свободной военной дружины, отчасти из придворного слоя министерялов, который, как и в немецком средневековье, развивался в направлении к фактически свободным договорным отношениям. В

своим социальным положением они занимали различные ступени: от получателей незначительной ренты, которые служили в замке господина за вознаграждение в виде риса и спали впятером в одной комнате, и до фактически наследственного обладателя придворного чина. Итак, они представляли собой класс свободных, отчасти плебейских, отчасти придворных служилых людей, однако являлись не ленниками, а бенефициариями, положение которых было похоже больше на положение, скорее, франкских дружинников (*антрустионов*), нежели средневековых феодальных бенефициариев. Возникновение в отношении с господином рыцарского чувства пиетета, аналогичного характеру западной ленной верности и превосходящего последнюю по интенсивности, основывалось на развившихся из дружинной верности свободных вассальных отношений и сословного воинского понятия чести.

Наконец, особый характер исламских воинских ленных пожалований объясняется, как недавно показал К.Г. Беккер [9], их происхождением из наемных ополчений и налоговых откупов. Неплатежеспособный патримониальный властитель должен был, с одной стороны, удовлетворять претензии наемных солдат за счет налоговых сборов со своих подданных. С другой стороны, он был вынужден жаловать военному чиновнику (*эмиру*) должность сборщика податей (*амила*), получавшего фиксированное денежное вознаграждение и первоначально занимавшего совершенно самостоятельную позицию по отношению к первому (в соответствии с известным нам типическим распределением полномочий при патримониализме). Три различных обстоятельства соединились со временем в понятие *икта* (бенефиций): 1. *Такбил*, предоставление в откуп налоговых сборов в деревне или в районе налоговому откупщику *мукта*; 2. *Катиа*, лены, пожалованные земельные участки (называемые в Месопотамии *савафи*) заслуженным людям или необходимым сторонникам; наконец, 3. распоряжение податями подданных, захваченными эмирами или солдатами, в особенности мамелюками, или переданными им в качестве залога с целью покрытия задолженностей в денежном довольствии перед ними. Обладатель *икта* должен был, с одной стороны, исполнять солдатскую службу, а с другой, – по меньшей мере, теоретически – был обязан сдавать излишек поступающих налогов, превышающих его денежное довольствие. Произвол и разграбление захваченных таким образом подданных солдатами, которые, естественно, редко сдавали налоговые излишки, побудило в конце XI столетия месопотамского визиря государства Сельджуков Низам аль-Мулька к отказу от требований сдачи налоговых излишков и к передаче земли в качестве бенефициев, в строгом смысле слова, солдатам и эмирам в обмен на обязательства несения военной службы. В XIV столетии к этой же системе перешли и египетские мамелюки. Пробужденный собственный интерес солдат, превратившихся из налоговых откупщиков или обладателей залогов в землевладельцев, привел к улучшению хозяйства подданных и устранил трения между военными и фискальными ведомствами. Османские бенефиции у *сипахи* [10] являются модификацией этой системы военных бенефициев. Их прохождение, связанное с разваливающейся налоговой системой и

наемным ополчением в государстве с товарно-денежным хозяйством по античному образцу, принципиально отличает такую военную систему бенефициев от западной ленной системы, ведущей свое происхождение из натурального хозяйства и дружины (*Gefolgschaft*). В этом восточном феодализме особенно отсутствует все то, что происходит из дружинного уважения: прежде всего такие специфические нормы, как личная вассальная верность, в то время как, напротив, в японском феодализме с его исключительно личным выражением уважения, в свою очередь, отсутствует землевладельческая структура бенефициального устройства. Оба типа, следовательно, различаются противоположным образом в той комбинации личных (восходящих к дружинному уважению) отношений верности и бенефициального устройства, на которой покоилась сущностная особенность западной ленной системы.

3. Военное происхождение ленной организации

Ленные пожалования, носившие массовый характер, во всех этих формах повсеместно имели преимущественно военное происхождение. Турецкие ленные бенефиции сопрягались с обязанностью проживания и в великие эпохи экспансии империи считались утраченными, если ленник в течение семи лет не выполнял никаких военных обязанностей, а прошение претендентов на получение лена также отчасти предполагало подтверждение несения активной военной службы. Ленный бенефиций обычно служил (как на Западе, так и на Востоке) созданию войска *всадников*, составленного из одинаково вооруженных и непрерывно тренирующихся воинов, повышающих свое военное мастерство во имя *понятия чести* и лично преданных исключительно господину, для замены, с одной стороны, народного военного ополчения, а с другой, в некоторых обстоятельствах, харизматической дружины (*trustis*) короля. Франкское ленное устройство первоначально возникло для защиты от арабской конницы на секуляризированных церковных землях, а турецкие ленные бенефиции также, в своей массе, располагались не в области старых крестьянских поселений османов (Анатолия), а как возделываемые немусульманами-райя землевладения на завоеванных позднее территориях (в особенности, Румелии). Если в морских государствах или удаленных от моря королевствах с товарно-денежным хозяйством, все большее применение наемного войска, с одной стороны, было вызвано спецификой производительной деятельности, а с другой стороны, ростом их территорий, то в странах, не имеющих выхода к морю и сохраняющих натуральное хозяйство, этой функции отвечало ленное войско, – там, где оно сменило народное ополчение. С ростом умиротворения и усиливающейся интенсивностью землепользования в массе землевладельцев исчезают, как привычка посвящать себя военным задачам, так и возможность подготовки к строевой службе, а также, особенно у мелких землевладельцев, возможность отвлечения их от экономических задач ради военных кампаний. Возрастающее трудовое бремя мужчины, которое первоначально выпадало на долю женщины, жестко экономически привязывает его к своему «клочку земли», а растущая дифференциация собственности, благодаря

разделению и аккумуляции земли, расстраивает однородность в распределении вооружения, и – среди масс растущего числа мелких землевладельцев – вообще уничтожает их экономическую способность к *самостоятельному оснащению оружием*, на которой основывается всякое настоящее народное ополчение. Тем более, что исходя из всех изложенных оснований, военные кампании в отдаленные внешние области огромной империи с помощью призыва свободных общинников были столь же невозможны, как и контроль над огромными захваченными морскими территориями с помощью призыва городского населения. Подобно тому, как в наемной армии, заменяющей городское ополчение, на место отрядов самообороны (*Milizen*) заступают обученные профессиональные воины, так и переход к ленному войску первоначально обеспечивает высокое качество и регулярный характер вооружения: поначалу на Западе конь и военное снаряжение также относятся к предметам ленного пожалования, а самостоятельная экипировка возникает лишь в результате универсализации этого института.

Специфическим элементом, определяющим поведение вассала в полностью развитой ленной системе, являлось не только требование обязательного выражения пиетета, но и наличия сословного чувства достоинства, вытекающего из особенной социальной *чести* вассала. Чувство чести воина и верность слуги – все это сплавляется в неразрывную связь с благородным чувством достоинства правящего слоя и их конвенций, получая в них внутреннее и внешнее закрепление. Поэтому специфика западной, полностью развитой ленной системы определялась данным решающим компонентом, который образовывал основу для службы в коннице (важные следствия которой мы еще не раз увидим в самых разных областях) – в противоположность плебейским ленам инфантерии: клиентов, клеруков, *taximoi* и древневосточных солдат-ленников.

4. Легитимные основания ленной организации

Ленная система создает основу существования, которое обеспечивает самооснащение и профессиональное владение оружием; война за честь господина отождествляется с собственной честью вассалов; расширение его власти становится возможностью обеспечения своего потомства ленами, и которое, прежде всего, находит *единственное легитимное основание для их собственного обладания ленами* в сохранении *его* исключительно личного господства. Это последнее является чрезвычайно важным моментом для перехода к ленному устройству вообще, и, прежде всего, имеет повсеместное значение при переходе вассала от службы в ополчении на собственных землях к исполнению общественных должностей. Кроме всего, в Японии властитель пытался еще посредством этого освободиться от закостенелости харизматического семейно-родового государства, которое будет рассмотрено в другой связи. Во Франкской империи раз за разом терпели поражение попытки патримониального государства посредством ограничения сроков в замещении должностей и системы «государевых посланцев» [11] сохранить господство властителя; и хотя ожесточенным перипетиям в сражениях аристократических клик за высшее властное положение в

патримониальной империи Меровингов был положен конец сильной рукой высшего чиновника, это повлекло за собой падение легитимной династии в его пользу [12]. В IX ст., при Каролингах, использовавших своих вассалов преимущественно как противовес меровингской «дружине», – после того, как в междоусобных войнах королей строго личная связь всех обладателей должностей с властителем посредством вассальной верности осталась единственной гарантией сохранения трона, – окончательно завершился переход к ленной передаче должностей, принесший (относительную) стабильность. Напротив, уничтожение китайской феодальной системы – которую оплакивали как действительно священный порядок отцов – благодаря становлению пребендально-бюрократического устройства, последовательно развивавшегося с тех пор в том же самом направлении, проистекало из такого же типического мотива устранения ленной должности с целью вернуть всю полноту власти в руки господина. Ведь существенная гарантия собственного властного положения, состоящая в лично утверждаемой рыцарской чести, в полностью развитой феодальной системе – в наиболее широкой форме систематической децентрализации господства, – приобреталась ценой чрезвычайного ослабления власти господина над вассалами.

Первоначально можно говорить лишь об ограниченной «дисциплинированности» господина в отношении вассалов. Единственной причиной возвращения лена являлось «вероломство»: нарушение верности по отношению к господину, состоящее в неисполнении ленных обязательств. Это понятие является крайне гибким. Однако, как правило, оно не поощряет произвол господина, а улучшает положение вассала. Даже там, где не существует ленного суда, в котором вассалы являлись судьями, и благодаря этому претенденты на лен спаивались в правовое товарищество (как это было на Западе), особое значение имеет принцип: господин всесилен против своего отдельного подчиненного, но беспомощен по отношению к интересам их совокупности; для того, чтобы безопасно действовать против одного из них, он должен был быть уверен в поддержке или хотя бы нейтралитете остальных вассалов. Ведь сам характер ленной связи как специфических отношений верности и обуславливает то, что произвол господина здесь выступает «нарушением верности» и с особенной внутренней разрушительностью воздействует на его отношение ко всем вассалам. Эти довольно узкие рамки дисциплины в отношении собственных вассалов становятся еще более хрупкими благодаря тому, что какая-либо непосредственная дисциплина господина часто отсутствовала в отношении ленников его вассалов.

Правда, в полноценном, развитом феодализме, существовала некая «иерархия» в двойном смысле: во-первых, лишь в той мере, в какой пожалованные в лен властные права (то есть, в особенности, лишь такие земли, ленное владение которыми выводилось из отношения к верховной главе (королю) как источнику всякой власти) могли раздаваться далее в соответствии с полным объемом ленного права. Во-вторых: в смысле социального рангового порядка («порядок ратной таблицы» в «Саксонском зеркале» [13]), определявшего – исчисляемую высшим ленным властителем – ступень дальнейших пожалований, на которой находился

соответствующий обладатель лена. Однако поначалу объем непосредственной власти господина по отношению к нижестоящим вассалам его ленников являлся весьма неустойчивым, поскольку – подобно всякому ленному отношению – отношения между вассалами и их нижестоящими вассалами носили строго личный характер и, поэтому, не могли быть просто так ликвидированы в силу вероломства первых по отношению к их ленному властителю. Турецкая ленная система классического времени достигла относительно сильной централизации благодаря – напоминающему пребенду – оформлению лена, а также благодаря позициям бейлербеев в их отношениях с Высокой Портой. Действующая на Западе оговорка *salva fide debita domino regi* [«за исключением верности непосредственно высшему сюзерену»] в присяге на верность нижестоящих вассалов не препятствовала тому, что, даже в случае очевидного вероломства, нижестоящий вассал, обязанный выполнять долг верности своему собственному ленному господину и подчиняться ленному властителю последнего, хоть и переживая угрызения совести, все же должен был иметь право на проведение собственной проверки того, оставался ли верным его господину высший ленный властитель.

Для развития централизации Англии одним из наиболее важных, заимствованных в Нормандии, учреждений Вильгельма Завоевателя явилось то, что все нижестоящие вассалы обязывались к принесению клятвы непосредственно королю и рассматривались как его люди; более того, все нижестоящие вассалы, в случае ущемления их прав со стороны ленного господина не должны были идти по инстанциям ленной иерархии (как во Франции), а должны были обращаться в королевские суды, – так что здесь, следовательно, «иерархия ленов» не уподоблялась ступенчатой лестнице компетенций в ленных вопросах, как это чаще всего имело место. В Нормандии и Англии, как и в турецком ленном устройстве, то обстоятельство, что в завоеванных областях конституировалось феодальное политическое объединение, явилось решающим основанием для этой жесткой организации и для устойчивой спайки вассалов и их господ вообще, – наподобие того, как, например, церкви создавали в областях их миссионерской деятельности самую жесткую иерархическую организацию. И все-таки, даже тогда конфликты совести у нижестоящих вассалов полностью не исчезали. Также и по этой причине (наряду с другими) нередко возникают попытки ограничить дальнейшее пожалование ленов нижестоящим слоям или, по меньшей мере, уменьшить их число, – тогда как в Германии ограничение ратных таблиц выводилось из всеобщих принципов иерархии должностей.

Однако, с другой стороны, были развиты подробно разработанные ленные права, касавшихся всех объектов, однажды вовлеченных в область ленных отношений, случаи лишения лена, принудительного пожалования леном (*Leihzwang*) и принципа *Nulle terre sans seigneur* [«нет земли без господина»]. Внешне это, по видимости, соответствует принципу бюрократической системы, согласно которому традиционные ленные единицы короля должны полностью замещаться его вассалами. Но смысл оказывается фундаментально иным. В бюрократической системе этот принцип должен создавать правовую гарантию для

подчиненных, тогда как принудительное жалование леном, напротив, отдаляет массу подчиненных ленников – как обладателей должностей – от их непосредственного отношения к высшему ленному властителю (королю) и документально закрепляет совокупное право ленников по отношению к их господину, запрещающее ему, в собственных интересах, разрушать феодальную систему власти посредством возвращения себе своих полномочий и требующее от него, чтобы все ленные объекты снова и снова жаловались потомкам вассалов. В требовании этого (абсолютно по той же, известной нам схеме) вассалы могли особенно упорствовать в тех случаях, когда они сливались в единое правовое товарищество. Особенно, если в некотором судебном процессе, осуществляющемся с их участием в качестве судебных заседателей, ленная курия получала в свои руки право разрешать споры и вопросы, касающиеся принуждения к принятию наследства (Erbzwang), лишения и нового пожалования ленов, что было типичным для Запада.

В этом случае, наряду с только что упомянутыми средствами гарантирования предложения ленов, развивалась и монополизация в области спроса на них. Подобно тому, как в бюрократической общности требования претендентов обосновываются все большим числом предметных экзаменов и дипломов – как предпосылкой для занятия должности, так и в феодальном объединении все больше усиливаются требования к личной ленной квалификации претендента. Однако она является полярной противоположностью базирующейся на предметном знании квалификации, необходимой для бюрократической должности. Бюрократия, как и также чисто-патримониальное чиновничество, основывается на социальном «нивелировании» в том смысле, что они, в своем чистом типе, требуют лишь личных квалификационных качеств (первая – предметно-специальных, второе – исключительно-личных) и не принимают во внимание сословные различия, и становятся даже прямо-таки специфическим инструментом их слома, – абсолютно невзирая на ранее рассмотренное обстоятельство, что и патримониальные, и бюрократические слои чиновников без всякого труда вновь превращались в носителей определенной сословной социальной «чести» со всеми ее следствиями. Это явление вытекало из их властной позиции. Однако феодализм, в техническом смысле слова, своими внутренними корнями был ориентирован на сословность и все более усиливал этот свой характер. Вассал, в специфическом смысле слова, повсеместно являлся свободным мужем (т.е. не подчиненным патримониальной власти некоторого господина). И японский самурай произвольно менял своих господ. Правда, в остальном, чаще всего лишь специфические, так сказать, «предметные» достижения (способности к обращению с оружием) являлись квалификационным признаком. То же самое сохранялось, например, и в турецком ленном праве: даже немусульмане-райя могли претендовать на лен, если они несли соответствующую военную службу. Однако поскольку ленные отношения, в их полном выражении, могли принадлежать лишь слою господ, ибо они надстраивались на специфически-эмфатических понятиях чести как базисе для отношений верности и воинских умений, то к требованию воинской службы

неизменно добавляется и требование изящного («рыцарского») образа жизни, в особенности же, – избежания отвлекающего от упражнений с оружием и бесцельного производительного труда.

Впоследствии, вместе с оскудением возможностей для обеспечения потомства, набирает полную силу монополизация ленов и должностей, а затем – и монополизация синекур (Stiftspfänden), служащих для обеспечения не имеющих средств родственников. Сюда же добавляется и влияние поступательно развивающегося сословного конвенционализма: возникают притязания на то, чтобы претендент на лен или на синекуру должен был не только «вести рыцарскую жизнь», но и быть «рыцарем по рождению». Это означает: он должен вести происхождение от некоторого минимального количества живших рыцарской жизнью предков (прежде всего, иметь родителей-рыцарей, и «четырех предков» предыдущего поколения). Наконец, в правилах турниров и занятия синекур позднего средневековья монополизация приводит к требованию иметь шестнадцать предков, что ведет к исключению городского патрициата, ибо он вынужден делить властные полномочия с городскими цехами и заседать с ними на одной и той же скамье городского совета. Каждое продвижение вперед при этой сословной монополизации, естественно, означало усиление закоренелости социальной структуры. К этому добавляются и другие факторы сходного типа.

5. Феодалное разделение властей и их стереотипизация

Этому – не признанному повсеместно, однако, повсеместно выдвигаемому – притязанию совокупности сословно-квалифицированных претендентов на обладание совокупностью ленов способствует строго правовой характер положения каждого ленника. То обстоятельство, что право вассалов классических стран феодализма основывалось на том или ином снова и снова заключаемом *договоре*, но при этом договорное право вассала передавалось по наследству согласно жестким принципам, приводило к стереотипизации разделения властей, выходящей далеко за пределы пребендальной структуры, что практически лишало ее эластичности. Но именно эта пронизанность целостной системы духом уверенности в позициях обладателей ленов, благодаря двустороннему договору (духом, с одной стороны, далеко выходящим за пределы одной лишь даруемой господином привилегированности, а с другой, – общей, материально-обусловленной обеспеченности, как это имеет место в случае присвоения бенефициев), являлась очень важной с точки зрения исторического развития. Ведь именно она приближала феодальную структуру чистого патримониального господства, основывающегося на сопряженности обеих сфер – традиционных связей и присвоенных прав, с одной стороны, и свободного произвола и милости, с другой, – к образованию относительной «правовой государственности». Феодализм означает «разделение властей», которое, однако, основывается не на качественном разделении родов деятельности, о чем говорил Монтескье [14], а просто – на количественном распределении властных полномочий. Идея «государственного договора», ведущая к конституционализму, как основание для политического

разделения властей, находит здесь, в некотором смысле, свой примитивный прообраз. Правда, не в форме заключения пакта между господином и его подданными или их представителями (причем подчинение последних мыслится в качестве источника права господина), а в существенно иной форме договора между господином и носителями полномочий, восходящих к нему как к своему источнику. Благодаря этому фиксируются тип и распределение властных прерогатив; однако отсутствует не только общая регламентация, но и рациональное членение отдельных сфер ответственности. Ведь должностные полномочия (в отличие от бюрократического государства) являются собственными правами чиновников, объем которых – в том числе и по отношению к подчиненным – определяется содержанием конкретных личных пожалований этим чиновникам *в сопряжении* с пересекающимися с ними свободами, иммунитетами, пожалованными или освященными традицией привилегиями последних. Лишь из этого, а впоследствии – из обоюдного ограничения субъективного права *одного* власть имущего *противостоящим ему другим* власть имущим – здесь возникает (совершенно аналогично стереотипизированным и присвоенным патримониальным должностям) то самое разделение власти, которое некоторым образом соответствовало бы понятию «компетенции» органов власти. Ведь это понятие не существует в феодализме в его подлинном смысле, а поэтому отсутствует и понятие «органов власти» (Behörde).

Поначалу лишь часть вассалов жалуется властным политическим полномочием, и это, прежде всего, означает – судебной властью: во Франции это, т.н. *seigneurs justiciers*. При этом господин мог делить находящуюся в его распоряжении судебную власть: наделять одного вассала одной, другого – другой ее долей. Особенно типичным было разделение на «высшую» (включающую вынесение смертных приговоров (Blutbann)) и «более низкую» юрисдикцию, которая распределялась между различными вассалами. При этом вовсе не утверждается, что вассал, который – в качестве лена – обладает «более высокими» властными полномочиями в первоначальной иерархии должностей, занимает высшую ступень и в ленной иерархии, исчисляемой в соответствии с количеством пожалований высшего властителя. Напротив, по меньшей мере, в принципе, для ленной иерархии важна не иерархия переданных в лен властных прерогатив, а удаленность или близость к первому господину. Правда, в соответствии с фактами, обладание высшей юрисдикцией, в особенности правом вынесения смертных приговоров, повсеместно, по меньшей мере, в тенденции, приводит к объединению соответствующих вассалов в особое «княжеское сословие». Однако с этим неизменно конкурировала и пересекалась тенденция рассматривать ленное отношение к королю как признак принадлежности к этому высшему сословию. Такое развитие, в особенности в Германии, претерпевало характерные перипетии, которым мы здесь не можем уделить внимание. Как следствие, повсеместно возникал в высшей степени запутанный комплекс раздробленных властных полномочий благодаря ленным пожалованиям, оказывающимся в руках множества людей. В принципе на Западе «земельно-правовые» полномочия, то есть судебные

прерогативы господина, основанные на пожалованных политических правах, с одной стороны, неизменно отделены от ленной юрисдикции над вассалами, с другой стороны, – от его патримониальной (придворно-правовой) судебной власти. В результате все это приводило лишь к раздроблению власти на многочисленные отдельные властные права, присваиваемые в силу различных формальных правовых оснований и взаимно ограничиваемые по отношению к другу согласно традиции. Отсутствовало свойственное для всякой бюрократии разделение личности и профессии, личного имущества и должностных ресурсов, которое все же явно наличествовало в рамках пребенды. Поскольку – вопреки внешнему сходству – поступления от лена не являлись должностными доходами, практическое различие между аллодами и ленами в вопросах, касавшихся возвращения выморочного имущества и передачи наследства, имело иной смысл (раздробления наследства), отличный от смысла соответствующего разделения в рамках пребенды.

И далее – не только все должностные полномочия и поступления ленника относились к его личной правовой и хозяйственной сфере, но кроме того и должностные *издержки* покрывались лично им самим и никак не выделялись из расходов его личного хозяйства. Подобно тому, как всякий отдельный господин или наделенный леном чиновник – в области своей правовой сферы – по существу преследовал свои личные интересы, так и совокупные издержки этого управления покрывались и возмещались (в противоположность бюрократическому порядку) не на основе рациональной налоговой системы и (в противоположность патримониализму) не за счет домашнего хозяйства господина или предназначенных для этого доходов от пребенды, а мобилизовывались отдельными носителями власти благодаря их личностным особенностям или из личных запасов материальных благ, или (и особенно) благодаря труду их патримониально-зависимых крестьян, или силами подчиненных ему – благодаря пожалованным им в лен политическим правам – «подданных». Поскольку деятельность «подданных» как правило была связана с традицией, то этот аппарат не был гибким и в финансовом отношении. Он становился еще менее гибким в том случае, когда высшие и все остальные властители своими личными и предметными властными средствами сужали рамки типического – наличествующего по меньшей мере в тенденции – развития в использовании ленных объединений как средств политического управления.

Уже самую элементарную из их обязанностей, а именно то, ради чего вообще и надо было создавать ленное объединение, – долг военной службы, вассалы повсеместно пытались связать едиными нормами, касавшихся ее максимальной годовой длительности, и это им чаще всего удавалось. Но при этом в ленном объединении вассалов одного и того же господина сохранялось и право вести феодальные войны. Ведь власть господина гарантировала его вассалам лишь пожалованное им ленное владение, и – только это. Частные войны вассалов между собой, конечно же, могли причинять серьезный ущерб властным интересам ленного властителя. Однако вплоть до эпохи замирения феодальных усобиц (*Landfrieden*),

достигнутого церковью и городами в союзе с королем, на европейском континенте не удалось достичь чего-то большего, кроме установления, запрещающего вести частные войны хотя бы во времена военных походов самого господина.

В особенности финансовые права господина оставались ограниченными. Наряду с денежно-хозяйственным использованием ленов последние означали, прежде всего, обязанность содействовать господину в случае его бедственного положения, что последний охотно бы превратил во всеобъемлющее налоговое право, если бы вассалы, со своей стороны, не стремились оформить это в виде жестко ограниченных окказиональных сборов (*Gelegenheitsabgaben*), что, как правило, с успехом приводило к тому, что налоговая свобода специфических рыцарских ленов – как вознаграждение за все более фиктивные военные обязанности – вплоть до Нового времени стала нормальным состоянием. Да и вассалы, по меньшей мере до тех пор, пока сохранялась зависимость господина от ленного ополчения, как правило, требовали от него отказа от налогообложения зависимых от них крестьян, если только они не одобряли этого в виде исключения. Господин имело право на безоговорочное взимание *талли*, как правило, лишь с его собственных земельно-зависимых или лично-зависимых крестьян. Право возвращения выморочного имущества (*Heimfallsrecht*) становилось все менее практичным. Распространение права наследования на непрямых родственников утвердилось повсеместно. Отчуждение лена, для чего, естественно, требовалось согласие ленного господина на вступление в ленные отношения с новым претендентом, становилось все более регулярным, и приобретение этого согласия образовало, наконец, один из важнейших источников доходов, перетекавших от ленного объединения к господину. Но в то же время, поскольку сбор за изменение владельца фиксировался в традиции или определялся общим принципом, это означало фактически полное присвоение лена. И пока предметное содержание отношений верности все более стереотипизировалось и экономизировалось, оно само как средство власти все больше теряло отчетливость и практическую пригодность. Вассал как свободный муж, согласно установившемуся позднее пониманию, мог принимать лен и от нескольких господ, а его поддержка каждому из них в случае конфликта становилась весьма сомнительной. Во французском ленном праве простая присяга на верность (*homagium simplex*), ленная клятва с молчаливо принимаемой оговоркой о выполнении и других обязательств, отличалась от безоговорочной леновой клятвы (*homagium ligium*), которая, так сказать, являлась первым залогом леновой верности, превосходила по значению все другие обязательства и, следовательно, могла даваться лишь одному господину; для усиления властных позиций французского королевства большое значение имело то, что ему удалось навязать влиятельным ленным господам именно последнюю форму присяги. Но в остальном возможность многосторонних вассальных обязательств, конечно же, влекла за собой их широкое обесценивание. Наконец, стало почти невозможным осуществлять непрерывно функционирующее управление с помощью ленников. На вассала накладывалось обязательство не только делом поддерживать господина, но помогать ему и советом. И поскольку

господин зависел от доброго настроения ленного ополчения, из этой обязанности влиятельные вассалы имели обыкновение выводить и «право» высказывать совет и реализовывать его при принятии важных решений. Но, являясь обязанностью, советническая деятельность вассалов с течением времени ограничивалась в той же степени, что и их воинские обязательства, она не была постоянной, а поэтому ее организация господином в виде конкретных органов власти оказалась невозможной.

В результате обладателям локальных должностей в местном управлении ленное объединение обеспечило наследственное присвоение и закрепление (*Verbürgtheit*) их властных прав, однако в центральном управлении оно не дало в руки господина никакой непрерывно используемой рабочей силы и, кроме того, чрезвычайно легко подчиняло его необходимости руководствоваться в своих действиях «советами» самых могущественных из его вассалов – вместо того, чтобы над ними господствовать. В этих обстоятельствах все влиятельные вассалы настолько явно ощущали искушение полностью стряхнуть с себя ленные узы, что нуждается в объяснении лишь вопрос о том, почему это не происходило чаще. Причина этого лежала в уже упоминавшейся гарантии *легитимности* владения землей и властными правами, которую эти ленные узы давали вассалам. В этой гарантии был заинтересован и ленный властитель, поскольку она давала ему (хотя бы и в высшей степени сомнительные) возможности, которые предоставляло ему его право – также и там, где оно являлось фиктивным.

6. «Сословное государство» и переход от ленного объединения к бюрократии

Пребендальное и феодальное развитие патримониального политического образования (*Gebilde*), в противоположность системе «органов власти» вместе с их, регулируемых общими объективными установлениями, вместе с их (регулируемыми точно так же) должностными сферами обязанностей, являет собой космос – или в иных обстоятельствах и хаос – определенных, совершенно конкретных субъективных привилегий и обязанностей господина, должностных лиц и подчиненных, которые взаимно пересекались и ограничивали друг друга. В этом взаимодействии возникает совместная деятельность, которую нельзя реконструировать при помощи современных публично-политических категорий, и к которой понятие «государства» в современном смысле слова можно применять еще с меньшим основанием, чем к чистому патримониальному политическому образованию. Феодализм являет собой граничный случай с тенденцией к «сословному» патримониализму, противоположной патримониализму «патриархальному».

Власть, упорядочивающая и формирующая эту совместную деятельность (наряду с традициями, привилегиями, судебными «правдами» и доюридическими «понятиями», характерными для патримониализма в целом) выражается в *заключении пакта* в каждом отдельном случае между различными властителями, что являлось типичным для «сословного государства»

(Ständestaat) Запада и прямо-таки составляло его сущность. Подобно тому, как отдельные обладатели ленов и бенефициев, а также иные имущие слои исполняли пожалованные властителем и присвоенные ими властные полномочия на основе закрепленных за ними «привилегий», так и власть, данная государю, считалась его «прерогативой», его личной, закрепленной за ним привилегией, которую надлежало признавать ленниками и иным носителям власти. Эти носители привилегий коллективно объединялись лишь от случая к случаю – ради конкретной задачи, выполнение которой без их взаимодействия была бы невозможной. Однако стабильность «сословного государства» означает лишь то, что эти пакты, долгосрочная необходимость которых вытекала из договорного закрепления всех прав и обязанностей и из обусловленной этим негибкости, превращались в хроническое состояние, которое благодаря явному коллективному объединению, в некоторых обстоятельствах принимало упорядоченную форму. Сословное государство возникало в силу самых разных причин, но после того, как совокупность ленников однажды превращалась в регулируемое правом товарищество, его центральным основанием становилась форма приспособления стереотипизированных и поэтому неэластичных структур ленов и привилегий к необычным или впервые возникающим потребностям управления. Само собой разумеется, что последние в значительной степени – пусть и не всегда – обуславливались экономически, да и чисто внешне это влияние даже не выглядело преобладающим. Чаще всего оно проявлялось в опосредованной форме: сами чрезвычайные потребности, в сущности, проистекали из задач политического и, в первую очередь, военного управления. Однако измененная экономическая структура, в особенности поступательно развивающееся денежное хозяйство, содействовали этому в той мере, в какой они делали возможным тот или иной способ покрытия этих потребностей, и, следовательно, в борьбе и конкуренции с другими политическими образованиями навязывали этот способ, а именно разовые мобилизации значительных денежных сумм, для которых было недостаточно нормальных средств, находящихся в распоряжении стереотипизированных феодально-патримониальных структур управления. Это чаще всего вытекало уже из принципа, определявшего эту структуру господства: из того, что каждый, как господин, так и все другие носители власти, должны были из собственного кармана покрывать расходы своего и только своего управления. Не было предусмотрено никакого иного способа мобилизации этих особенных средств, и, следовательно, постоянно возобновляемые процедуры установления взаимопонимания были неизбежными, а для этой цели происходило коллективное объединение в облике упорядоченного, корпоративного собрания (Zusammentritt). Именно оно выступало формой коллективного объединения с государем и превращало привилегированные слои в «сословия», и тем самым являлось условием возникновения долгосрочных политических образований из обычной согласованной деятельности различных носителей власти и нерегулярных коллективных объединений.

Однако потом внутри этого образования все более широкая эволюция все более новых безотлагательных задач управления потребовала развития бюрократии

властителя, которая, со своей стороны, предопределила новый распад связей в «сословном государстве». Этот последний процесс не следует понимать слишком механистически, т.е. так, будто бы, развивая бюрократию, господин – в интересах расширения сферы своего господства – повсеместно стремился сломать конкурирующую власть сословий. Без сомнения, это было абсолютно естественным и очень часто определяющим детерминантом развития. Однако он не являлся единственным и не всегда имел решающее значение. Напротив, нередко именно сословия, со своей стороны, требовали от властителя, чтобы он удовлетворял стремления заинтересованных лиц к новому эффективному управлению, возникающим снова и снова вследствие общего экономического и культурного развития, то есть в силу предметных факторов развития; чтобы он взял бы на себя задачу создания надлежащих государственных органов. Но всякое введение в действие господином нового средства управления означало увеличение чиновничества и, тем самым, как правило, усиление власти государя: поначалу в форме ренессанса патримониализма, сохраняющего свое господство в континентальных европейских государственных образованиях вплоть до эпохи Французской революции, однако повсеместно приближающегося (чем позднее, тем интенсивнее) к чистому бюрократизму. Ведь своеобычность по-новому воспринятых задач управления требовала создания долгосрочных органов власти, четких компетенций, регламентаций и предметной квалификации.

Ленное объединение и «сословное государство» ни в коем случае не являются необходимыми элементами в развитии от патримониализма к бюрократии, которому – в известных обстоятельствах – эти элементы готовили значительные трудности. Начала подлинной бюрократии, напротив, обнаруживаются повсеместно – даже в менее сложных формах патримониально-государственного управления, ведь переход от патримониальных к бюрократическим должностям вообще является расплывчатым, а принадлежность к одной или другой категории невозможно определить ни по типу отдельной должностной позиции, ни, напротив, по тому способу, каким эти должности вообще учреждались, или по тому, каким образом в них осуществлялось управление. Однако как полноценно развитое сословное государство, так и полноценно развитая бюрократия первоначально вырастают лишь на европейской почве, – в силу причин, которые мы попытаемся разъяснить позднее. А пока обратимся еще раз к известным характерным промежуточным и переходным образованиям, которые – в рамках феодальных и патримониальных структур – предшествовали чистой бюрократии.

7. Патримониальное чиновничество

До этого мы ради простоты утверждали, что политические задачи государя в центральном управлении решались исключительно патримониально: рассмотренными выше домашними и придворными чиновниками или же ленниками, которые, в свою очередь, осуществляли патримониальное управление. Однако в действительности ни структура патримониального, ни структура феодального господства не являлась такой простой. Вхождение чисто

политических вопросов в состав задач домашнего управления, после того как заканчивается период «окказионального управления» с помощью сотрапезников и доверенных лиц господина, давало систематические импульсы для возникновения специфических главных должностей, занимающих особенное положение, – а именно, чаще всего, приводило к появлению отдельного центрального политического чиновника. Эти чиновники могли отличаться друг от друга по характеру их должности. Патримониализм, в соответствии с принципом его структуры, являлся специфической областью развития системы «фаворитизма» („Günstlings“-Wesens): доверенных позиций при государе с невиданной властью, для которых, однако, были характерны драматические перипетии: возможность неожиданного свержения – не обусловленного предметно и мотивированного исключительно лично. В развитии специфической формы центральной политической должности имеет место случай (наиболее близкий по своему типу к патримониальному принципу), состоящий в том, что придворный чиновник, который в своей функции чаще всего занимает исключительно личное, доверенное положение при государе, – формально или фактически – осуществляет также и политическое управление. Таковым является, например, хранитель гарема или другой служитель, лично посвященный в сходные интимные вопросы господина. Или здесь возникает специфически-политическая доверительная позиция. В некоторых негритянских государствах – весьма натуралистическим образом палач, осязаемый представитель института смертной казни, является постоянным и самым влиятельным спутником государя. И в других случаях с развертыванием системы наказаний (Banngewalt) судебные функции господина выдвигаются на передний план, а вслед за этим на передний план выходит особый чиновник, аналогичный франкскому пфальцграфу. В активно воюющих государствах это соответствует королевскому полководцу (Kronfeldherr), а в феодальных государствах подобные (почти идентичные последнему) чиновники (сёгун, майордом) наделяются ленами. На Востоке мы, как правило, встречаем фигуру Великого визиря; позднее мы еще увидим то, в силу каких причин он становится такой же «конституциональной» необходимостью, как и премьер-министр ответственного правительства в современных государствах.

В самом общем смысле можно лишь сказать, что, с одной стороны, существование подобной единой монархической вершины могло быть особенно опасным для властного положения государя в том случае, если в руках соответствующего чиновника сосредотачивались полномочия над экономическим обеспечением вассалов и подчиненных ему чиновников, так что он оказывался в состоянии приковать их к своей личности в его противостоянии с господином, – как это демонстрируют известные примеры истории Японии и Меровингов. С другой стороны, полное отсутствие подобной единой вершины, как правило, влекло за собой распад государства, о чем свидетельствует пример – наученных на своем собственном опыте – Каролингов с их страхом перед созданием главной по значению должности. Скоро мы вернемся к способу решения возникших благодаря этому проблем.

Пока же нас интересует явление, выразившееся, прежде всего, в том, что – вследствие все большего постоянства и сложности управленческого труда, но, прежде всего, вследствие развития характерной для феодальных и патримониальных образований системы пожалований и привилегий и, наконец, как следствие растущей рационализации финансов – все большую роль начинают играть *чиновники-писари и чиновники-счетоводы*. Домашнее хозяйство, в котором они отсутствуют, было обречено на нестабильное и бессильное существование. Чем более развитым было писарское и счетоводческое дело, тем сильнее (даже в чисто феодальном государстве, например, в норманнской Англии и Османской империи в период ее наибольшего расцвета) была центральная власть. В древнем Египте писари осуществляли управление. В Новоперсидском царстве чиновники-счетоводы с их освященным традицией тайным искусством узурпировали весьма важные позиции, на Западе *канцлер*, глава канцелярии (Schreibstube), чаще всего представляет собой центральную фигуру политического управления. Или же счетоводческая палата (в Нормандии, а позднее в Англии – Казначейство) образует зачаток, из которого развилось все центральное управление. В то же время подобные ведомства, как правило, несут в себе ростки бюрократизации, – поскольку на место знатных придворных сановников, носителей этих должностей, заступают действительно работающие чиновники (в Средневековье, главным образом, клирики), которые и берут на себя фактическое руководство.

О возникновении больших *коллегиальных* центральных органов – явлении, сопровождающем качественное расширение управленческих задач, – речь уже шла ранее, в специальной связи с возрастающим значением специализированного предметного знания, которое принуждает к бюрократизации и рассматривается как ее предварительная ступень. Конечно же, не все эти совещательные корпорации господина в до-бюрократическом государстве являлись предшествующими ступенями современной бюрократии. Напротив, совещательные собрания центральных чиновников мы встречаем и в различных патримониальных и феодальных политических образованиях, распространенных по всей планете. Они часто служили господину как противовес, – но не по отношению к власти специализированных компетенций (как раннебюрократические образования), а просто по отношению к властным позициям отдельных центральных чиновников, а наряду с этим – и как средство обеспечить стабильность управления. Поэтому они повсеместно оказываются продуктами известной стадии качественного развития управленческих задач и затем – при дальнейшем поступательном развитии – принимают форму, все более похожую на явления раннего бюрократизма (с таким характером «органов власти», где решения регулируются на основе коллегиального процесса) по мере приближения структуры ведомств и типа чиновничьего управления патримониального государства к бюрократическому порядку: хотя, как свидетельствуют примеры Китая и Египта, граница здесь является все-таки чрезвычайно текучей. Несмотря на всю, наличествующую, конечно же, и здесь непрерывность переходов, эти коллегиальные органы – как

«тип» – надо отличать от тех коллегиальных корпораций, которые принимают участие во власти не по поручению господина, а в силу собственного права (по образу «совета старейшин» или представительства местной знати). О последних мы коротко поговорим ниже. Ведь они лежат не на линии развития от патримониализма к бюрократизму, но на линии «раздела» властных полномочий между господином и другими властями, неважно, «харизматического» или сословного характера.

Мы не можем рассматривать здесь влияние патримониальной или феодальной структуры политических образований на общую *культуру*. Патримониализм, с одной стороны (это, чаще всего, стереотипизированный патримониализм, с присущим ему произволом), и феодализм, с другой стороны, *различаются* между собой чрезвычайно жестко в области, которая повсеместно являлась важнейшей сферой влияния на культуру со стороны структуры господства, – а именно, в области *воспитания*. К тому немногому, что уже раньше было сказано о ее взаимосвязи со структурой господства, можно добавить лишь несколько общих замечаний. Где бы феодальная система не достигала той стадии развития, на которой формируется слой, живущий осознанной «рыцарской» жизнью, там везде возникает система воспитания рыцарского образа жизни со всеми его следствиями. Происходит типичный расцвет определенных культурных форм *искусства* (как на литературном поприще, так и в сфере музыки и изобразительных искусств) как средств само-преображения (Selbstverklärung), формирования и сохранения нимба власти по отношению к ее подвластным требуют «музыкального» воспитание (наряду с преобладающим военно-гимнастическим). Формируется тот – сам по себе в высшей степени многообразный – тип «культивирующего» воспитания, который представляет радикальную противоположность «специальному образованию» чисто бюрократической структуры. Там, где структура господства образуется «пребендально», воспитание, как правило, принимает черты интеллектуально-литературного «образования», то есть – по виду своего функционирования по своей сущности оказывается близкородственным бюрократическому идеалу прививания «специального знания». Так это – в особенно чистой форме – было в Китае, а также повсеместно там, где образование переходит в руки теократии (о чем мы еще поговорим в дальнейшем). Последнее, как правило, особенно часто случалось там, где светское государство было представлено типом произвольного патримониализма и, со своей стороны, никак не развивало воспитательные системы.

8. Экономические предпосылки патримониализма и феодализма

О всеобщих, чисто экономических условиях возникновения патримониальных и феодальных образований достоверно известно немного. Существование и преобладающее значение княжеского и аристократического землевладений является, конечно, общезначимым базисом для ленного устройства, а также (в случае полного развития и с весьма незначительной однозначностью) для всех форм феодальной «организации». И китайское чиновничье государство – как

наиболее выраженный тип *патримониального* политического образования – не базируется на землевладениях, а, как мы увидели, именно вследствие их отсутствия, представляет собой такой патримониально замкнутый тип. Патримониализм совместим с наличием частного хозяйства и торговлей (*Verkehrswirtschaft*), с мелкобуржуазным и землевладельческим аграрным устройством, как с отсутствием, так и наличием капиталистического хозяйства. Во всяком случае, известное марксистское положение, будто ручная мельница лежит в основании феодализма таким же образом, как паровая мельница предопределяет капитализм [15], ограничено-правильно в своей второй части. Правда, и в этой части оно неполно: паровая мельница без проблем встраивается и в государственно-социалистическую структуру хозяйства. Однако в своей первой части это утверждение является безусловно-ложным: ручная мельница пережила все – вообще мыслимые – экономические структуры и политические «надстройки». И о капитализме в целом можно сказать лишь то, что поскольку возможности его экспансии (по причинам, которые мы тотчас разъясним) ограничиваются формами феодального и патримониального господства, он представляет собой власть, претенденты на которую, как правило, стремятся сменить эти формы господства в пользу бюрократии или плутократического господства знати. Но это значимо лишь для капитализма современного типа внутри сферы производства, которая базируется на рациональных предприятиях, разделении труда и постоянном капитале, тогда как политически ориентированный капитализм, также как и капиталистическая оптовая торговля, отлично уживается с патримониализмом. Ведь мы видели, что мощное торгово-хозяйственное развитие, делающее возможным сбор денежных налогов, достаточных для покупки солдат-рабов или для жалования наемных солдат, как раз и явилось основанием для развития восточного султанизма, т.е. одной из наиболее далекой от современных форм государства (в соизмерении с нашим западным «правовым государством»), строго патриархальной разновидности патримониального господства.

Напротив, феодализм ведет себя по отношению к торговому хозяйству совершенно по-другому. На вопрос о том, какая общая формула выражает экономическую детерминацию патримониального *или* феодального образования, можно ответить лишь самым банальным образом: землевладение мощно благоприятствует развитию феодализма в его различных формах. Мы видели, что рационализация водного хозяйства на Древнем Востоке, то есть то обстоятельство, что благодаря тягловым работам подданных у пустыни планомерно отвоевывалась пахотная земля, способствовала (также как и широкая строительная политика в Китае) формированию полу-бюрократических политических патримониальных образований, которые в обоих случаях, с другой стороны, все-таки уже должны были существовать, чтобы обеспечить возможность такого строительства. Это отличалось от того, как – посредством вырубки лесов – приобретались новые земли в Северной Европе, что благоприятствовало землевладению, а следовательно, и феодализму. Но очаги последнего, как мы видели, обнаруживаются и на Востоке, хотя и очень неравномерно. В остальном в самом общем виде можно лишь сказать:

слабое развитие технических средств передвижения, а следовательно, и политического контроля, в связи с преобладанием натурального хозяйства – в силу трудностей создания рациональной податной системы и, тем самым, предварительных условий для централизованного патримониально-чиновнического управления – благоприятствовало децентрализованным формам патримониальных образований (данническим сатрапиям), и принуждало к использованию феодальных уз личной верности и феодального кодекса чести в качестве крепящей основы политического сплочения везде, где только это было возможно, то есть там, где землевладение определяло социальную структуру.

9. Значение торговли для развития патримониализма

В отличие от феодализма, для развития сильной централизованной патримониальной бюрократии исторически важной часто являлась *торговля*: устойчивый фактор, на который наука до сих пор не обращала внимания. Мы уже видели ранее: господствующее положение всех властителей, возвышающихся над уровнем примитивного деревенского вождя, покоилось на их сокровищах, благородных металлах в слитках или в форме обработанных изделий. Властители нуждались в этой «сокровищнице» в первую очередь для обеспечения поддержки их свиты, личной стражи, патримониального ополчения, наемных солдат и, прежде всего, чиновников. Сокровищница подпитывалась благодаря обмену подарками с другими властителями, – который часто фактически носил черты меновой торговли, – благодаря регулярной действительной торговле (особенно прибрежной посреднической торговле) самих государей, что могло приводить к прямой монополизации внешних перевозок торговых грузов или, наконец, благодаря иному извлечению пользы государем из внешней торговли. Это происходило либо в прямой налоговой форме посредством введения ввозных или проездных пошлин и других сборов, либо опосредовано – благодаря продажам концессий и основаниям городов: княжеским прерогативам, которые обеспечивали высокую земельную ренту и появление налогоспособных подданных. Этот последний способ извлечения пользы из торговли систематически реализовывался в историческое время: в частности, в начале Нового времени польскими землевладельцами были заложены бесчисленные города, заселявшиеся выехавшими с Запада евреями. Типичным явлением, пожалуй, являлось и то, что патримониальные политические образования, как, например, Китай или Каролингская империя, в случае сравнительно умеренного или просто слабого развития торговли – в отношении к их площади и количеству населения – продолжали свое существование и расширяли свою территорию. Но там, где торговля не играла существенной роли в этом процессе (Монгольская империя, государства эпохи Великого переселения народов), первичное возникновение патримониального политического господства хотя и имеет место, однако происходит редко и почти всегда в таком виде, когда в области с высокоразвитыми денежными хозяйствами – ради завоеваний и грабежа благородных металлов – вторгались племена и устанавливали на этих территориях свою власть. Прямая торговая монополия властителя была распространена по

всему миру: как в Полинезии, так и в Африке и Древнем Востоке. Например, только в недавнем прошлом в ходе устранения монополии на посредническую торговлю соответствующих вождей европейцами были разрушены все значительные политические образования на западно-африканском побережье. Местонахождения большинства известных с самой древности могущественных патримониальных политических образований были тесно связаны с этой функцией торговли.

И наоборот, очень часто то или иное особое властное положение государя как землевладельца имеет лишь вторичное значение. Само собой разумеется, что с «землевлданием» – или с обладанием людьми и скотом в тех местностях, где еще сохраняются излишки земли (как, например, в некоторых государствах на территории между Конго и Замбези) – первое основание властного положения государя и аристократии чаще всего сопряжено так, чтобы оно служило для получения ренты с возделывания пашни. Ибо нетрудовые рентные доходы оказываются безусловно необходимыми для такого образа жизни, который только и является социальным условием возникновения властителя или аристократа. Однако дальнейшее развитие из этого основания к состоянию, в котором монополизируется «земельная рента», чрезвычайно часто обуславливается в том числе и торговыми прибылями. Там, где властитель рассматривается как владелец земли всей страны (а не только как высший ленный господин), – что весьма распространено на самых различных культурных ступенях, – это является не основанием и исходным пунктом, а, напротив, следствием его господствующего политического положения и обусловленных этим преимущественных шансов на приобретение движимого имущества. У кафров [16], например, речь идет о владении людьми (женщинами) и скотом, но, также как правило, и обусловленной обладанием благородными металлами способности содержать патримониальных солдат или наемную армию. В прибрежных государствах аристократия получает такую же монополию на землевание: работники-должники (*Schuldsknechte*) в эллинской древности и, вероятно, также и на Древнем Востоке, являлись важной составляющей крестьянской рабочей силы. Они обрабатывают пашню живущего в городах патрициата за часть получаемого урожая, а прямые или опосредованные торговые доходы дают устойчивые средства для аккумуляции земель и людей. В натурально-хозяйственной среде даже скромные накопления благородных металлов имели чрезвычайное значение для властного положения и образования государства. Это, конечно же, ничего не меняло в том, что центр тяжести в покрытии *потребностей* при том мог сохранять и, чаще всего, в значительной степени сохранял натурально-хозяйственную природу. Но эти две вещи не должны смешиваться друг с другом (как это слишком часто происходит, когда говорят о «значении» торговли в примитивные эпохи).

Значение торговли как причины возникновения политических объединений, конечно же, не является однозначным. Как уже отмечалось, истоки патримониальной власти прямо и с необходимостью не обуславливаются торговлей, и там, где торговля была распространена, не обязательно возникало

патримониальное политическое образование (Gebilde): ведь и господство местной знати очень часто оказывалось ее первичным продуктом. Однако связь с превращением простого племенного вождя в государя в очень большом числе случаев обусловлена именно торговлей. Однако торговля оказывается в состоянии сильно выраженного, абсолютно-антагонистического противоречия с ленной системой и строгими формами феодальной иерархии вообще. В типичном случае, прежде всего в Средиземноморье, торговля создавала «городской феодализм» землевладельческого патрициата. Однако в Японии и Индии, а также на Западе и исламском Востоке феодализация политического объединения сопутствовала замедлению развития, а часто – и регрессу торгового хозяйства. При этом, правда, одно являлось как причиной, так и – столь же часто – следствием другого. На Западе феодализм возник вследствие натурального хозяйства – как единственно-возможная форма формирования военного ополчения, а в средневековых Японии и Передней Азии дело обстояло наоборот. Из чего же проистекает последнее явление?

10. Стабилизирующее влияние патримониализма и феодализма на хозяйство

Оба вида господства (но феодализм в существенно более выраженной и типичной форме, нежели патримониализм) могут весьма интенсивно воздействовать в направлении *стабилизации* хозяйства. Ведь в случае господства патримониализма лишь влиятельные чиновники, например, китайские мандарины, в ходе исполнения своих должностей избегавшие контроля со стороны властителя, в целом сохраняли шансы на приобретение немалого имущества. При этом источником накопления имущества была не меновая торговля, а использование налогоспособности подданных и принуждение их – внутри широкой сферы милости и произвола – платить за все, исполняемые от случая к случаю, должностные действия господина и чиновников. С другой стороны, свои существенные пределы власть патримониального чиновника обнаруживает лишь в традиции, нарушение которой грозило опасностью и для самых могущественных лиц. Поэтому новаторства, предметные и личные, а также новые, не освещенные традицией классы и новые, противоречащие ей способы приобретательства и предпринимательства, кажутся весьма сомнительными и почти полностью оставлены на произвол властителя или его чиновников. Обе составляющие, как связь с традицией, так и произвол, особенно глубоко влияют на возможность капиталистического развития. Либо господин или его чиновники сами захватывают новые возможности приобретения, монополизуют их и выводят из под них питательную почву частно-хозяйственного формирования капитала. Либо повсеместно наличествующее сопротивление традиционализма находит в них опору в его препятствовании экономическим нововведениям, грозящим опасными потрясениями для социального равновесия или наталкивающимся на религиозные и этические ограничения, которые они должны были учитывать, поскольку ведь и собственное господство патримониального властителя покоилось на святости

традиции. С другой стороны, широкая сфера нерегламентированного произвола господина могла в отдельных случаях и весьма способствовать разрушающей традиции власти капитализма, как это произошло в эпоху абсолютизма в Европе. Правда, – если поначалу отвлечься от других особенностей этого вида привилегированного капитализма, – эта королевская власть уже имела бюрократическо-рациональную структуру. Как правило, напротив, на передний план выходит негативная сторона такого произвола. Ибо, – и это является самым главным, – здесь отсутствует необходимая для развития капитализма *предсказуемость* (Berechenbarkeit) функционирования государственного порядка, которую дают ему рациональные правила современного бюрократического управления. На место такого управления заступают непредсказуемость и нестабильность произвола придворных или местных чиновников, милость или немилость господина и его слуг. При этом отдельное частное лицо может довольно легко – благодаря умелому использованию обстоятельств или личных отношений – прокрасться на привилегированную позицию, которая открывает ему почти безграничные возможности приобретения. Но капиталистическая *система* хозяйства, очевидно, сталкивается в этом случае с невероятными препятствиями. Ведь отдельным направлениям развития капитализма свойственна различная степень чувствительности по отношению к подобной непредсказуемости. Относительно легко с ней может ужиться оптовая торговля, легко приспособливающаяся ко всем меняющимся условиям, да и собственный интерес властителя требует от него, – если он сам не монополизирует торговлю, как это имеет место в простых и обозримых отношениях, – допущения накопления имущества для того, чтобы иметь в своем распоряжении налоговых откупщиков, поставщиков продукции и источники для его заимствований. Уже во времена Хаммурапи известны «денежные люди», а формирование торгового капитала вообще происходило в условиях почти всех мыслимых структур господства, хотя и в разном объеме, – и в частности, в эпоху патримониализма.

По-другому обстоит дело при *промышленном* капитализме. Там, где он становится типической формой промышленного производства, он организует труд с целью массового сбыта и зависит от возможности надежной калькуляции, и это усиливается по мере его развития, по мере его насыщения постоянным капиталом. Он должен уметь учитывать постоянство, надежность и предметность в функционировании правового порядка, рациональный, принципиально предсказуемый характер правовых решений и управления. Но эти гарантии предсказуемости, необходимые для крупного капиталистического промышленного производства, как правило, отсутствуют. Их отсутствие особенно сильно сказывается в патримониальных государствах с низкой стереотипизацией, и наоборот, внутри современного бюрократизма они достигают своего оптимума. Не ислам – как индивидуальная конфессия – препятствовала индустриализации (ведь татары на русском Кавказе зачастую оказываются весьма «современными» предпринимателями), а религиозно обусловленная структура господства исламских *государственных* образований, их чиновничество и судебное устройство.

Однако это негативное воздействие – тормозящего капитализм – произвола в соответствующем патримониальном государстве может еще более обостриться благодаря (прежде совершенно не замечаемому) позитивному следствию, которое при наличии подходящих условий может в некоторых случаях вытекать из такого воздействия именно при развитом денежном хозяйстве. В результате лабильности всех правовых гарантий на почве патримониальной юстиции и управления может получить развитие особая разновидность искусственной иммобилизации имуществ. Ее чрезвычайно важными примерами являются известный тип организации византийских монастырей и, очевидно, примыкающий к этой правовой форме *вакфа* [17] средневекового ислама. Схема рассматриваемого типа организации византийских монастырей выглядит, например, так: учреждаемый монастырь должен обеспечить пребенду для определенного ограниченного числа монахов, должен обеспечивать четко определенной милостыней столь же четко ограниченное количество бедных, к чему добавляются и иные управленческие расходы. Общей избыток монастырских доходов над их расходами поступает в распоряжение семьи учредителя. Ясно, что в этом последнем определении и состоит действительная цель учреждения монастыря: на самом деле в форме основания монастыря создавалась сакрально защищенная (в качестве монастырского добра *особенно* защищенная от вмешательств *светских*, – т.е. патримониально-бюрократических – *властей*) *семейный фидейкоммис* [18] (Familienfideikommiß) с предполагаемыми растущими поступлениями. Наряду с этим учредитель руководствовался и целью достижения благосклонности Бога и людей и, в некоторых обстоятельствах, обеспечивал для своей семьи возможность влиять на замещение монашеских бенефициев и, следовательно, удобный повод оказать любезность влиятельным родам, ведь монашеские пребенды в действительности зачастую являлись – не влекущими никаких обязательств – синекурами для константинопольских отпрысков, поскольку отсутствовала обязанность не только затворничества, но даже и постоянного пребывания в монастыре. Это обеспечивало и влияние на способ управления семейной капеллы. В целом все это являлось своего рода денежно-хозяйственным суррогатом «подлинного церковного устройства» феодального Запада.

Совершенно аналогичная форма учреждения монастырей, видимо, имела место уже в рамках древнеегипетского патримониального господства. Абсолютно тождественное явление мы, во всяком случае, как свидетельствуют документы, встречаем в средневековом исламе под именем *вакфа* (учреждение мечетей и тому подобное). И тогда, с той же целью и по той же причине, учреждались именно те объекты, которые обладали – возрастающей – денежной ценностью: земля под застройку, эргастерии (сдаваемые в аренду мастерские), ибо святость церковного добра, хотя и не обеспечивала полной безопасности, но все-таки предоставляла оптимальные гарантии против экспансии светского чиновничества. Таким образом произвол и непредсказуемость патримониального господства, со своей стороны, усиливал сферу сакрально-правовых связей. Но поскольку, с другой стороны, теоретическая закоренелость и неизменность шариата, в его субъективной и

зачастую совершенно непредсказуемой интерпретации судьями, иногда «корректировалась», то обе составляющие, – развитие капитализма и враждебная ему патримониальная составляющая, – взаимно усиливали друг друга. Поэтому К.Г. Беккер [19] с полным правом полагает, что в высшей степени устойчивая иммобилизация накапливаемого имущества в облике *вакфа*, – безусловно соответствующего духу античного хозяйства, которое использовало накопленное имущество в качестве рентного фонда, а не промышленного капитала, – имела чрезвычайно большое значение. Затем благодаря испанскому посредничеству этот возникший впервые там институт профанного «фидейкоммиса», вероятно представляющий собой секуляризированное подражание *вакфу*, в XVII столетии был импортирован в Германию.

11. Монополизм и меркантилизм в патримониальном хозяйстве

И, наконец, именно на почве относительно развитого денежного хозяйства, в частности в эпохи, когда патримониализм сильно сближается с рациональной бюрократической системой, он начинает своеобразно влиять на экономическое развитие, которое вытекало из формы покрытия его потребностей. «Патримониальное государство» легко разлагалось, превращаясь в сумму привилегий, и получало особенное близкое сходство, с одной стороны, с монополистическим доходно-хозяйственным, а с другой, – с привилегированным покрытием потребностей (в раннее разъясненном смысле слова). С помощью хорошо функционирующего патримониального чиновничества можно было особенно легко осуществлять все виды фискальных предприятий и монополий. Как египетское, так и позднеримское государства и государства Дальнего и Ближнего Востока иногда в самой широкой форме создавали государственные предприятия, а также использовали монополии. И государственно-монопольные предприятия (*Regiegewerbe*) властителей раннего Нового времени функционируют в том же направлении. Доходно-хозяйственное покрытие общественных потребностей не ограничивалось патримониализмом: и коммуны в средневековье и раннего Нового времени (зачастую с большими убытками, как, например, во Франкфурте-на-Майне) участвовали в довольно смелых промышленных или торговых предприятиях чисто доходного характера. Однако, если говорить в общем, радиус воздействия монополий на доходно-ориентированное общественное хозяйство в патримониальных государствах, естественно, был большим, и поэтому в их рамках общественные монополии в целом встречались чаще и воздействовали более радикально. Однако привилегированное покрытие потребностей могло еще интенсивнее вмешиваться в экономику.

Негативно-привилегированное покрытие потребностей, общественная служба (*Leiturgiewesen*) осуществлялись более всего именно самыми рациональными из больших патримониально-бюрократических государственных образований древности: египетским царством и – по его модели – позднеримской и византийской монархией. Египетское хозяйство эпохи фараонов приобретало тем самым своеобразный «государственно-социалистический» характер, связанный с

периодически довольно распространенными наследственными цеховыми узлами, а в некоторые эпохи и с земельной зависимостью: наследственной привязанностью к профессии и земельному участку. Эти особенности затем были перенесены и на позднеантичное хозяйство. Ясно, что благодаря этому сильно сузились возможности формирования частного капитала и игровое пространство капиталистического дохода.

Наряду и вместо этого вида общественного покрытия потребностей, подавляющего формирования капитала и, следовательно, частного капитализма, в патримониализме бывала заключена и *позитивно* привилегированная разновидность покрытия потребностей – в форме передачи (*Konzessionierung*) привилегированных торговых и промышленных монополий в пользу частных лиц в обмен на высокие сборы, участие в прибылях или стабильную ренту. Такое встречается в очень многих патримониальных государствах прошлого всей планеты. Но последнюю и самую значительную роль позитивные привилегии играли в эпоху «меркантилизма», когда пробудившаяся капиталистическая организация промышленности, бюрократическая рационализация патримониального хозяйства и растущие денежные запросы внешнего, военного и внутреннего управления революционизировали ведение финансовых дел европейских государств. Повсеместно и в самых разнообразных формах королевская власть Стюартов и Бурбонов, а также власть Марии-Терезии, Екатерины и Фридриха Великого посредством монополистического развертывания промышленности пытается создать самой себе денежные поступления (а именно денежные поступления, независимые от одобрения сословий) и непосредственно использовать их в сословно-представительских государствах как политическое средство борьбы против сословий. Характерные черты патримониально-государственного капитализма (и бюрократия «просвещенного деспотизма» несет в себе такой же сильный патримониальный характер, какой был присущ глубинному пониманию базирующегося на этом «государства») возникают и здесь, как это недавно удачно продемонстрировал Герман Леви на отличном примере Англии при Стюартах [20]. Вопрос о «монополии» образовывал там один из главных предметов в борьбе между королевской властью, стремящейся к финансовой независимости от парламента и к рационально-бюрократической организации всего государственного устройства и экономики в виде цезаристско-папистского «государства всеобщего благоденствия», с одной стороны, и восходящими буржуазными классами, с другой стороны, интересы которых получали в парламенте все большее влияние. Члены и фавориты королевской семьи, лица из придворного общества, разбогатевшие военные и чиновники, а наряду с ними влиятельные спекулянты и авантюристы – изобретатели национально-экономических «систем» типа Джона Лоу (вне Англии сюда же относились и многочисленные евреи) являлись тогда экономическими «претендентами» на жалуемые королем монополии и на импортируемые, защищаемые и развиваемые на этой основе отрасли промышленности.

ПРИМЕЧАНИЯ

При подготовке препринта перевода для публикации использовалась разбивка на абзацы и параграфы, предложенная в англоязычном издании «Хозяйства и общества» под редакцией Г. Рота и К. Виттиха. См.: Weber M. *Economy and Society. An Outline of Interpretive Sociology*. Ed. by G. Roth and C. Wittich. Berkeley: University of California Press, 1978: 1070-1098. Редакция текста для настоящего издания А.А. Фисуна.

1. В рим. праве передача земель участка (или к.-л. имущества) во временное пользование.
2. В эллинистическую эпоху военные поселения на завоеванных территориях.
3. Акт передачи себя под покровительство более могущественного, богатого человека.
4. Понятие раннегерм. права, подразум. полное непосредств. господство лица над вещью.
5. Ulrich Stutz *Die Eigenkirche als Element des mittelalterlich-germanischen Kirchenrechts*. Berlin: H.W. Müller, 1895: 30; Idem “Lehen und Pfründe,” *Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. Bd. 20 (1899): 244ff. См. также: Ульрих Штутц *Церковное право*. Пер. под ред. и с пред. Е. Н. Темниковского. Ярославль: Тип. Губ. правл., 1905.
6. В Османской империи управитель провинции, соедин. военную и гражданскую власть.
7. Ввод вассала во владение земель.
8. В эпоху сегуната Токугавы в XVII ст. был введен институт заложенничества *санкин-котай*, требовавший от феодальных князей *даймё* проживания в столице сегуната г. Эдо в течение одного года из двух, а также перевоз в столицу своей семьи.
9. См.: Carl Heinrich Becker “Steuerpacht und Lehnswesen: Eine historische Studie über die Entstehung des islamischen Lehnswesens,” *Der Islam*, Bd. V, Heft I (1914): 81-92. Перепечатано в: Idem *Islamstudien. Vom Werden und Wesen der islamischen Welt*. I. Bd. Leipzig: Quelle & Meyer, 1924: 237-247.
10. В Османской империи военные ленники, получившие земельные пожалования в обмен на службу в конном ополчении.
11. *missi dominici* – система королевских посланников для выполнения административно-судебных поручений, проведения политики центра и контроля местных магнатов.
12. В 751 г. династия Меровингов была свергнута наиболее могущественным майордомом Пипиным Коротким, положившим начало правлению династии Каролингов.
13. *Саксонское зеркало: Памятник, комментарии, исследования*. М.: Наука, 1985.
14. В работе «О духе законов» Ш.Л. Монтескье отмечает, что «в каждом государстве есть три рода власти: власть законодательная, власть исполнительная, ведающая вопросами международного права, и власть исполнительная, ведающая вопросами права гражданского» (Монтескье Ш.Л. *Избр. соч.* М.: Госполитиздат, 1955: 290).
15. Высказывание К. Маркса в работе «Нищета философии»: «Ручная мельница дает вам общество с сюзереном во главе, паровая мельница – общество с промышленным капиталистом» (Маркс К., Энгельс Ф. *Соч.*, 2-е изд., Т. 4: 133).
16. В XVI-XVII вв. европейцы называли кафрами всю совокупность племён, живших к югу от рек Замбези и Конго, потом только пастушеские племена банту Юго-Восточной Африки.
17. Прикрепленные к религиозным учреждениям освобожденные от налогов земли.
18. Передаваемое по наследству неделимое и неотчуждаемое имущество некоторой семьи.
19. См.: С.Н. Becker “Zur Kulturgeschichte Nordsyriens im Zeitalter der Mamlūken,” *Der Islam*, Bd. I (1910): 93-100. Перепечатано в: Idem *Islamstudien. Vom Werden und Wesen der islamischen Welt*. I. Bd. Leipzig: Quelle & Meyer, 1924: 263-275.
20. Hermann Levy *Die Grundlagen des ökonomischen Liberalismus in der Geschichte der englischen Volkswirtschaft*. Jena: Fischer, 1912. См. также ссылки на эту работу в окончательной версии «Протестантской этики и духа капитализма» (Вебер М. *Избр. произв.* М.: Прогресс, 1990: 131, 204, 257, 270-271). См. также: Idem *Monopole, Kartelle und Truste in ihren Beziehungen zur Organisation der kapitalistischen Industrie: Dargestellt an der Entwicklung in Grossbritannien*. Jena: Fischer, 1909. На эту работу ссылался В.И. Ленин в работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» (*ЛСС*, Т.27: 314). См. также: Герман Леви *Английское народное хозяйство*. Петроград: Книга, 1924: Гл. 1, § 2.

(Пер. с нем. А.Ю. Антоновского)